

ЕГЭ СТАНОВИТСЯ ПРИВЫЧНЫМ, но проблемы остаются

Валерий Михайлович Кадневский,
*профессор кафедры социальной работы, педагогики
и психологии Омского государственного университета
им. Ф.М. Достоевского, доктор педагогических наук*

Виктор Дмитриевич Полежаев,
*декан Омского государственного технического
университета, доктор педагогических наук*

В этом году уже третий выпуск абитуриентов поступает в вузы без традиционных вступительных экзаменов: по многочисленным отзывам выпускников школ и их родителей, это самый положительный фактор в системе процедур единого экзамена. Статистические данные свидетельствуют: число выпускников, поступивших в столичные вузы из провинции, существенно увеличилось. Хотя и с большим опозданием, но появились в книжных магазинах учебные пособия по проблемам тестологии. Конечно, их ещё недостаточно, особенно тех, которые позволяли бы постигать тонкости тестологии применительно к практике, но как говорится, «лёд тронулся», и надеемся, что положение на книжном рынке с этими пособиями будет улучшаться, а в учительском корпусе появится больше специалистов, владеющих этим профессиональным и актуальным сегодня умением.

- подтасовка результатов • коррупция • мотивация абитуриентов
- тестовая культура • результаты тестирования и надзора в вузах
- законодательные акты • база заданий, мобильные телефоны

Вместе с тем введение ЕГЭ выявило ряд проблем, решение которых требует существенных дополнительных усилий, нестандартных управленческих решений. Так, например, прогнозы и расчёты на получение

объективной информации о результатах обучения во всём образовательном пространстве России находятся всё ещё в режиме ожидания: пока можно вести речь

В.М. Кадневский, В.Д. Полежаев. **ЕГЭ становится привычным, но проблемы остаются**

лишь о том, что появились предпосылки для получения объективной информации об уровне подготовки школьников выпускных классов в регионах. Понятно, что объективная информация с мест возможна лишь при соблюдении ряда условий при организации процедуры проведения ЕГЭ, между тем о многих приёмах, уловках, способах преодоления ограничений и запретов, сопровождающих единый экзамен, неоднократно писали в СМИ, их обсуждали в научных и педагогических сообществах.

Проблема подтасовки результатов ЕГЭ, пожалуй, одна из важнейших среди тех, которые порождены модернизационными процессами в современном российском образовании. Если вернуться к аргументам авторов проекта единого экзамена, то можно напомнить, как нас долго уверяли, что ЕГЭ позволит покончить с коррупцией на вступительных экзаменах, изжить вузовское репетиторство, пустившее особенно глубокие корни в столичных вузах. Сегодня приходится снова и снова говорить о коррупции, которая переместилась из высшей школы в среднюю, затронув и административные структуры на местах; не исчезло и репетиторство. У этой ситуации несколько составляющих.

Мотивация

Начнём с главной. Слишком низка мотивация к учёбе у значительной части школьников. Авторы статьи по собственному многолетнему опыту довузовской подготовки слушателей подготовительных курсов и подготовительных отделений знают, что при высокой мотивации абитуриентов освоение конкретной учебной дисциплины требуется не слишком много времени. Уже через 6–8 недель многие слушатели подготовительного отделения приобретают достаточно прочные знания, а через четыре-шесть месяцев большинство учащихся становятся конкурентоспособными и поступают на бюджетные места. Все специалисты, не понаслышке знакомые с процедурами массового тестирования,

знают, что многие годы (начиная с 1995 г.) мощным мотивационным стимулом было апрельское тестирование, результаты которого засчитывали многие вузы. Подчеркнём, что эта процедура проводилась за небольшую плату и на добровольной основе, т.е. у бюджета никаких обременений не было, популярность же этой дополнительной услуги была высока: ежегодно в апрельском тестировании участвовали свыше миллиона человек. Практика показала, что большинство экзаменовавшихся оставались не удовлетворёнными результатами апрельского тестирования, поэтому низкие баллы, полученные в апреле, служили мощным мотивом для углубления знаний при подготовке к ЕГЭ. По нашему мнению, возрождение традиции опережающего апрельского тестирования (при добровольном решении вуза учитывать или не учитывать его результаты в конкурсном отборе) позволит повысить мотивацию к обучению, по меньшей мере у той части учащихся, которая относится к разряду слабомотивированных. (Сегодня альтернативой ЕГЭ стали олимпиады, однако в олимпиадах, как правило, слабомотивированные учащиеся не участвуют.)

Тестовая культура

Другая не менее важная причина связана с низким уровнем тестовой культуры в преподавательском корпусе России, равно как и в управленческих структурах всех уровней. До сих пор не преодолено упрощённое понимание тестологии, во всяком случае в управленческих структурах её не воспринимают как сложную современную науку, требующую больших и длительных временных затрат и интеллектуальных усилий для её постижения. Авторы статьи по собственному опыту знают: если заказывают обучающую лекционную программу по основам тестологии для учителей, то управленцы разных уровней просят, чтобы объём аудиторных занятий не превышал 8–10 (максимум 12) часов. Но любой

специалист-тестолог понимает, что при таком количестве учебных часов лектор сможет познакомиться лишь с азами тестологии.

Возможно, для продвижения тестовой культуры в учительский корпус нам пригодился бы американский опыт. Когда в США в первой четверти XX века стали продвигать тестовые технологии в систему школьного образования, то управленческие структуры столкнулись с сопротивлением большинства учителей, не желавших осваивать это новшество. Ситуация коренным образом изменилась после того, как учителям разрешили составлять и использовать в учебном процессе собственные тесты. Историки образования отмечают, что до 76% учителей в 1920-х гг. в школах США использовали в процессе обучения собственные тесты. Разумеется, эти тесты не отличались высоким качеством, но постепенно учителя-предметники вникали в тонкости тестологии, углубляли свои познания, приобретали опыт. Именно по такой схеме шёл процесс формирования тестовой культуры. Сегодня США считаются страной с наиболее развитой тестовой культурой, возможно, и нам полезно позаимствовать этот оказавшийся столь продуктивным ранний американский опыт. Для более ускоренного формирования тестовой культуры полезно выпустить пособия по каждому школьному предмету с практическими советами и конкретными примерами по составлению тестовых заданий и тестов.

Слабое владение основами тестологии создаёт для тысяч учителей, особенно тех, которые работают в глубинке, стрессовую ситуацию в связи с подготовкой школьников к ЕГЭ. Не обладая необходимыми знаниями и опытом, нередко поставленные в зависимость от результатов, показанных их учениками, они вынуждены идти на конфликт со служебным долгом, обеспечивая «приемлемые» для местных управленческих структур показатели сдачи ЕГЭ. В результате федеральный центр не получает объективной картины об уровне подготовки выпускников в субъектах РФ. Получение объективных результатов тестирования в общероссийском масштабе по-прежнему остаётся идеалом, к которому стремятся федеральные управленческие структуры.

ТЕХНОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ

Результаты тестирования

Авторы статьи попытались на местном уровне, в пределах Сибирского федерального округа, проанализировать результаты ЕГЭ. Например, по итогам проведения ЕГЭ в Омской области региональное Министерство образования в июле 2010 года отразило, что по семи предметам из 13 омские выпускники показали лучшие результаты, чем выпускники остальных субъектов РФ. Однако официальные данные о средних баллах по учебным предметам, размещённые на сайте Регионального центра информации в январе 2011 года¹, свидетельствуют о том, что вместо заявленных семи предметов омским школьникам удалось превзойти общероссийские показатели только по трём.

Рейтинг успеваемости по математике (число выпускников, успешно сдавших экзамен) весьма высок: в 16 муниципальных сельских районах Омской области он составляет 100%. Областной рейтинг, фиксирующий средний балл ЕГЭ по математике, выявил лидерство 12 муниципальных сельских районов. Лишь Центральный административный округ г. Омска, занявший 13 место, смог конкурировать по этому показателю с сельскими районами области. Замечательные результаты — можно только порадоваться успехам выпускников сельских школ области.

В соседних Новосибирской и Томской областях показатели оказались скромнее, там нашлось только по одному муниципальному району, в которых математику смогли сдать все выпускники. Кроме того, например, по такому показателю, как рейтинг среднего балла, в Новосибирской области, в отличие от Омской, по математике лидируют не сельские, а семь городских районов. Вызывает вопросы и такой факт. Из всех предметов,

¹ Статистика результатов ЕГЭ 2010 года в Омской области // <http://www.omedu.ru/download.php?id=473>

В.М. Кадневский, В.Д. Полежаев. **ЕГЭ становится привычным, но проблемы остаются**

сданных по выбору (кроме иностранного языка), средний балл ЕГЭ выпускников сельских школ Омской области в 2010 году оказался выше, чем у жителей города Омска.

Таким образом, если сравнивать показатели ЕГЭ выпускников сельских школ Омской области с результатами горожан и сверстников из соседних регионов, то либо надо награждать сельских педагогов и перенимать их опыт, либо призывать к ответу и наказывать организаторов ЕГЭ, которые способствовали искажению результатов испытаний.

Результаты набора в вузы в 2010 г. выявили несоответствие числа поступивших в вузы по результатам олимпиад и числа абитуриентов, сдавших ЕГЭ со 100-балльным результатом. Общее число победителей вузовских олимпиад в 2010 году более чем в восемь раз превосходит число выпускников, получивших 100 баллов по всем 14 предметам ЕГЭ. При таком перекосе девальвируются результаты экзаменов и задачи, которые ставились перед ЕГЭ.

Рособнадзор беспокоит ситуация вокруг вузовских олимпиад, готовятся новые правила зачисления по их результатам. В педагогической тестологии действует правило: в качестве единицы теста может служить лишь такое тестовое задание, на которое отвечают не менее пяти процентов испытуемых. Отбраковываются и задания, на которые отвечают все экзаменуемые. Иными словами, задания, не обладающие дифференцирующими свойствами, выбраковываются на стадии их апробации. В США, например, функционируют несколько тестологических центров: они ежегодно готовят новые задания, которые затем запускают в апробацию, и задания, показавшие требуемые дифференцирующие свойства, предлагают затем к применению.

Анализ результатов ЕГЭ за последние годы даёт основание для вывода о том, что у нас к апробации и отбору заданий для экзаменационных тестов относятся без должной ответственности. По многим предметам в тес-

тах ежегодно встречаются задания, на которые отвечают либо единицы, либо не отвечает никто. Как показательный пример, приведём результаты тестирования в рамках ЕГЭ за последние три года по английскому языку. В 2008 году на 100 баллов в России не сдал ни один выпускник, в 2009 году было 82 выпускника, сдавших на 100 баллов, а в 2010 году — только двум выпускникам на всю Россию покорилась эта высота.

Из вышесказанного следует сделать правильные выводы. Выявившийся перекокс в неравенстве прав доступа к образованию между участниками олимпиад и сдававшими единый экзамен, надо исправлять, на наш взгляд, не уменьшением числа победителей и призёров олимпиад, а умелым составлением заданий для тестов ЕГЭ. Должны быть исключены задания, не соответствующие требованиям тестологии, тем более задания, непосильные для большинства экзаменуемых. Применяемая система шкалирования результатов ЕГЭ продумана не до конца и также нуждается в коррекции. На наш взгляд, проценты получивших 100 баллов по разным предметам должны быть сопоставимыми.

Результаты набора в вузы

Для того, чтобы нивелировать расхождения результатов олимпиад с результатами ЕГЭ, следует нормативно заменить выставление высшего балла по предмету на среднее арифметическое результатов ЕГЭ и олимпиады. Другим вариантом может быть добавление призёрам олимпиад определённого количества баллов (10–20) к результатам ЕГЭ, но чтобы полученный результат не превосходил 100 баллов.

Весной 2010 г. Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки провела мониторинг среди нескольких вузов. Эксперты сравнивали результаты первой сессии тех, кто поступил в прошлом году с высокими баллами по ЕГЭ или по олимпиадам. В числе этих вузов

были РГУ нефти и газа им. Губкина, Российский государственный гуманитарный университет, Удмуртский госуниверситет, Московская медицинская академия им. Сеченова, Академия народного хозяйства при Правительстве РФ, Кубанская и Ростовская медицинские госакадемии, Финансовая академия при Правительстве РФ, Высшая школа экономики и МГУ им. Ломоносова.

Общее число первокурсников, имевших высокий балл при сдаче ЕГЭ, и победителей олимпиад, имевших «хвосты» и отчисленных после первой сессии в этих вузах, составило около 350 человек. Даже такой небольшой в масштабах страны анализ показал, что отчисленные студенты в основе своей как раз из тех регионов, в которых результаты ЕГЭ вызывали сомнения в их достоверности. При этом и число задолжников среди этих двух категорий студентов оказалось различным: среди 334 человек, имеющих задолженность после первой сессии, 129 получили сдававшие ЕГЭ, а 205 — на счету «олимпиадников». Разница чуть ли не в два раза! В МГУ среди отчисленных с механико-математического факультета после первой сессии тех, кто поступал с высокими баллами ЕГЭ, в два раза меньше, чем тех, кто поступал как победитель олимпиады.

По мнению руководителей российского образования, механизм ЕГЭ более точен в выявлении выпускников, которые действительно способны продолжать обучение в высшей школе. Хотя практика показывает, что те, кто добивается успехов в школьных олимпиадах и становится их призёрами и победителями, как правило, показывают высокие результаты, сдавая единый экзамен.

Законодательные акты

Отметим, что федеральные управленческие структуры, хотя и с некоторым опозданием пытаются решать назревшие проблемы, устранять возникшие недостатки, связанные с грубейшими нарушениями процедур проведения ЕГЭ. Обратим внимание на ряд федеральных документов, касающихся процедур единого экзамена. Так, в январе 2011 года принят закон о внесении изменений в нормативные акты, ко-

ТЕХНОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ

торые определяют порядок сдачи ЕГЭ и поступления в учреждения профессионального образования. В дополнение к этому закону внесены поправки ещё в два ранее принятых закона — «Об образовании» и «О высшем и послевузовском профессиональном образовании».

Теперь сведения, которые содержатся в контрольно-измерительных материалах (КИМах), относятся к информации ограниченного доступа. Это позволит применять к виновным в разглашении такой информации административные санкции. На фоне зафиксированных (а сколько ещё незафиксированных, но имевших место) нарушений эти законодательные меры весьма своевременны, но окажутся ли они эффективными?

Попробуем проанализировать потенциальную действенность и влияние принятых документов применительно к организации и проведению ЕГЭ. Кодекс РФ об административных правонарушениях устанавливает, что «Разглашение информации, доступ к которой ограничен федеральным законом..., лицом, получившим доступ к такой информации в связи с исполнением служебных или профессиональных обязанностей, ... — влечёт наложение административного штрафа на граждан в размере от пяти сот до одной тысячи рублей; на должностных лиц — от четырёх тысяч до пяти тысяч рублей».

Субъектом рассматриваемого правонарушения являются как граждане, так и должностные лица. Однако ответственность могут нести только те из них, которые получили доступ к указанной выше информации в связи с исполнением служебных или профессиональных обязанностей. Тут возникают, как минимум, два вопроса. Побудит ли страх перед установленным наказанием к отказу от неправомерных действий участников и организаторов ЕГЭ? Ответ очевиден, если сравнить указанные суммы административного штрафа со стоимостью

В.М. Кадневский, В.Д. Полежаев. **ЕГЭ становится привычным, но проблемы остаются**

платного обучения в вузах при получении низких баллов ЕГЭ. И какие же обязанности исполняют экзаменуемые во время ЕГЭ — служебные или профессиональные? По каким конкретным основаниям и можно ли их привлечь к ответственности за нарушения по названной статье?

Есть ещё и невидимая часть общественных взаимоотношений, сводящая режим секретности тестов к минимуму. Менталитет российского абитуриента, желающего помочь другим абитуриентам, простирается до таких пределов, что он, рискуя и собственной репутацией, и будущей карьерой, поможет соседу-конкуренту во время тестирования — решит его задания и даст списать свои. В странах с другим менталитетом (Западная Европа, США) давно воспитан добропорядочный гражданин, который, заметив противоправные действия кого-либо, немедленно сообщает об этом должностным лицам.

Таким образом, решая задачи повышения качества образования, россиянам приходится решать ещё и задачу ломки менталитета, шире вводить в школьный и вузовский обиход элементы соревнования и конкуренции. Этот путь требует не только существенных организационно-воспитательных усилий, но и длительного времени.

База тестовых заданий

Однако есть и более короткий и весьма продуктивный путь. Известно давно: чтобы прекратить утечку информации на уровне государства, надо либо большую часть информации перевести в режим секретности, либо наоборот: всё, что не относится к государственной безопасности, — рассекретить. Проще и дешевле пойти путём открытости и гласности, тем более, что меры по обеспечению секретности несут дополнительный негативный потенциал. Режим секретности ограничивает возможности рецензирования, редактирования и экспериментальной апробации тестовых заданий и тестов в референтных группах. На-

копленный опыт (в том числе и опыт авторов статьи) показывает, что можно создать банк тестовых заданий, включающих весь материал учебника (во всяком случае, тот материал, который можно трансформировать в тестовую форму).

В ряде научно-педагогических коллективов России созданы пособия, в которых в тестовой форме представлены материалы учебных дисциплин, составленные по методу сплошного тестирования или по тематическому принципу. Если федеральные управленческие структуры примут решение о рассекречивании базы тестовых заданий, то пополнение этой базы не займёт много времени. Сегодня опубликованы десятки пособий с тестами практически по всем основным дисциплинам образовательного стандарта. В стране выросло немало талантливых разработчиков тестов, что даёт возможность сформировать максимально полную базу тестовых заданий на конкурсной или коллегиальной основе. Опыт авторов статьи, занимающихся проблемами массового тестирования с 1995 года, приводит к выводу, что база тестовых заданий в диапазоне от одной до двух тысяч заданий позволяет позиционировать учебную дисциплину в объёме, полностью отражающем её основное содержание.

Мы не разделяем опасения тех, кто считает, что подобная форма позиционирования учебных знаний оглушает школьников. Здесь полезно вспомнить новации известного педагога В.Ф. Шаталова, который в 1970-е годы, применяя разработанную им систему опорных сигналов и неоднократного повторения пройденного материала, добивался за короткий срок высоких учебных результатов на уроках. Система тестовых заданий, отражающих основное содержание учебной дисциплины, по своей сути сравнима с системой опорных сигналов. Например, абитуриент, сдающий экзамен по истории, обязан знать, что Суворов — это выдающийся полководец; это тот «опорный сигнал», который при необходимости позволит этому виртуальному абитуриенту подобрать

соответствующие источники для расширения кругозора, подготовки реферата или доклада, курсовой или дипломной работы. Поэтому если мы на завершающем этапе получения общего образования оформим учебные знания в тестовой форме, сохранить их в оперативной памяти учащихся более вероятно, чем, например, повествовательный материал учебника. Напомним ещё раз, что экзамен в форме теста не отменяет других форм педагогического контроля знаний, и каждый учитель вправе использовать любую из них по своему усмотрению.

Мобильные телефоны

Ещё одна проблема связана с сотовой связью. Правила проведения ЕГЭ с самого начала запрещали ученикам использовать мобильные телефоны при написании тестов. Однако именно с законодательно утверждённым понятием «использовать» и возникла главная проблема: школьники стали всё чаще, причём небезосновательно, доказывать, что проносить с собой на экзамен мобильный телефон и даже держать его в руках — это не одно и то же, что «использовать».

По мнению разработчиков нового документа, в нём жёстче регулируется использование всяческих технических средств на экзаменах, в том числе и на вступительных, а также — на олимпиадах. Запрещено иметь при себе и использовать средства связи и электронно-вычислительной техники, в том числе — калькуляторы, за исключением случаев, оговоренных законом. Причём правило касается и сдающих экзамен, и тех, кого привлекли к его проведению.

Федеральным законом от 02.02.2011

№ 2-ФЗ введён п. 9, который требует:

«В местах проведения единого государственного экзамена, государственной (итоговой) аттестации учащихся, олимпиад школьников, вступительных испытаний, проводимых образовательными учреждениями среднего и высшего профессионального образования, во время проведения указанных мероприятий запрещается размещать, участникам указанных мероприятий и лицам, привлекаемым к их проведению, запрещается иметь при себе и использовать средства связи и электронно-вычислительной техники (в том числе калькуляторы), за ис-

ТЕХНОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ

ключением случаев, установленных нормативными правовыми актами Российской Федерации».

Этот запрет тоже вызывает ряд вопросов. Если в местах проведения ЕГЭ запрещается размещать указанные средства, то как быть экзаменуемым, приехавшим издалека с телефонами, и желающим сообщить об этом своим близким? Разве в пункте проведения экзамена нельзя разместить камеру хранения для средств связи? Из того, что написано «запрещается иметь при себе и использовать» совершенно не следует, что необходимо удалять участника ЕГЭ за то, что он пронёс телефон на экзамен. В этой ситуации наказание правомерно только при фиксации факта использования телефона в качестве средства для повышения результативности экзамена. Вот если бы Законом было установлено «запрещается иметь при себе И/ИЛИ использовать», тогда можно было бы говорить о полном запрете технических средств на экзамене.

Не надо провоцировать участников ЕГЭ на противоправные действия: следует либо продемонстрировать неотвратимость наказания, либо создать условия для того, чтобы не допустить правонарушение, что более предпочтительно. Конечно, можно законодательно закрепить норму о том, что ЕГЭ должен проводиться под видеокameraми, причём с возможностью наблюдать в Интернете онлайн. Это не так уж и дорого в масштабах страны, такие попытки предпринимались при проведении централизованного тестирования. В конце концов, сейчас уже защищают диссертации онлайн, почему ЕГЭ не проводить так же?

Конечно, сами по себе видеокameraы не решат проблему шпаргалок, но в качестве видеорегистратора (как это сделано на автомобилях) могут помочь при «разборе полётов», если обнаружат нарушения. Более кардинальная мера обеспечить информационную безопасность — применение специальной техники. Во-первых,

В.М. Кадневский, В.Д. Полежаев. **ЕГЭ становится привычным, но проблемы остаются**

можно установить приборы небольшого радиуса действия, препятствующие использованию мобильной связи. Никакого вреда здоровью эти глушилки не несут, так как их воздействие сопоставимо с излучением обычного мобильного телефона. В Омском государственном техническом университете они применялись ещё пять лет назад во время массовых вступительных испытаний и централизованного тестирования.

Во-вторых, есть специальные переносные устройства, позволяющие определять, у кого в аудитории есть мобильные телефоны, даже если они в этот момент отключены. Можно включить такой сканер и предложить «забывчивым» сдать их на хранение. Здесь следует обратить внимание на то, что эта техника, как правило, — дорогостоящая, поэтому необходимы серьёзные меры для её сохранности (были случаи умышленной подмены телефонов абитуриентами).

Самый простой и проверенный временем способ обнаружить аппаратуру — с помощью металлодетекторов. Кроме того, известно, что современные ноутбуки обнаруживают наличие беспроводных сетей Wi-Fi и Bluetooth.

Поэтому с обнаружением и пресечением попыток использовать средства связи особых проблем нет. Идёт подмена понятий: о чём речь — о наличии в кармане телефона или возможности с его помощью повысить балл ЕГЭ? Нужно определиться и вслух сформулировать проблему: речь о том, чтобы исключить влияние извне на результаты тестирования на едином экзамене.

Коррупция

Естественно, что применением технических средств исчерпываются далеко не все возможные способы помощи абитуриентам на тестировании, а только наиболее распространённые. Иногда вмешательство (а чаще — невмешательство) образовательных чиновников оборачивается высокими баллами ЕГЭ совершенно бесплатно — не по доброте душевной, а по-

тому, что по результатам ЕГЭ всё чаще судят о качестве их работы. К тому же в этом заинтересованы все стороны, участвующие в ЕГЭ: выпускники, их родители, учителя, директора школ и управленцы различного уровня — вплоть до руководителей регионов и даже вузы, чей рейтинг в последнее время также стали оценивать по результатам ЕГЭ зачисленных абитуриентов. Так возникает проблема, порождённая введением ЕГЭ: высочайшая мотивация к массовому завышению оценок, которое становится основой для мощной коррупционной иерархии. Механизмы массовой фальсификации оценок очень просты, но эффективны, причём выявить их, как правило, практически невозможно, особенно если у проверяющих и контролирующих органов нет в этом заинтересованности. Тенденции по улучшению и приукрашиванию результатов ЕГЭ, по нашему мнению, будут только нарастать.

Длительность единого экзамена

Остановимся ещё на одной проблеме, связанной с временными рамками ЕГЭ. Сегодня экзамен проходит в 3–4-часовом режиме, что никак не отнесёшь к здоровьесберегающим технологиям, о внедрении которых в последние годы постоянно говорят и пишут. С 2011 года продолжительность экзамена по физике увеличивается с 3,5 часа до четырёх. При этом нельзя умолчать и о такой деликатной, но ставшей униженной процедуре экзамена, как походы учащихся в туалет в сопровождении преподавателя. Возможность оказаться во время экзамена, хоть и на короткое время, вне зоны контроля провоцирует многих учащихся на неправомерные действия: пользование мобильной связью, применение шпаргалок и т.п. Где искать выход из этой ситуации?

По нашему мнению, следует идти по пути, обозначенному централизованным тестированием: сокращать время проведения ЕГЭ. Многие преподаватели выступают за исключение из теста, как это было

сделано в центральном тестировании, заданий части «С». Эти задания невозможно адаптировать к обработке с использованием компьютерных технологий, а традиционный способ проверки и оценивания заданий экспертами несёт немалую долю субъективизма. Таким образом, с внедрением ЕГЭ возникло противоречие, не позволяющее полностью объективизировать процедуру оценивания знаний.

С одной стороны, включение в КИМы заданий со свободно конструируемым ответом позволяет говорить о выборе смешанной методологии измерений, позволяющей проверить качественное овладение содержанием учебных предметов и сложными интеллектуальными умениями. С другой стороны, обеспечить максимальную технологичность процедуры оценивания результатов ЕГЭ можно только радикальным способом: полным исключением или уменьшением количества заданий части «С» из экзаменационного комплекта. Другая возможность сократить длительность проведения ЕГЭ — уменьшить объём теста (предлагаемые в ЕГЭ тесты содержат до 50 и более заданий). Для поиска оптимального объёма теста нужен эксперимент: потребуется более тщательный отбор содержательных элементов учебной дисциплины с тем, чтобы максимально оптимизировать соотношение числа заданий с выделением основных элементов содержания учебной дисциплины.

Мы неоднократно поднимали перед разработчиками КИМов ЕГЭ по математике вопрос о необходимости кардинально изменить уровень сложности заданий части «С», ведь подавляющее большинство учащихся не могут набрать ни одного балла за выполнение заданий с развёрнутым ответом? Нежелание следовать положениям теории тестологии объяснялось только одним — отсутствием других механизмов дифференциации абитуриентов с высокими баллами, поступавших в столичные вузы. К нашему сожалению, в 2010 году после смены разработчиков КИМов и модели проведения ЕГЭ по математике мы увидели ту же самую безрадостную картину:

№ задания	С1	С2	С3	С4	С5	С6
% не приступавших к решению	45,8	69,6	67,6	85,8	88,2	90,3
% набравших 0 баллов	67,4	88,4	88,2	98,2	97,3	97,6

ТЕХНОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ

После привязки в некоторых регионах зарплат учителей к результатам ЕГЭ вместо изучения предметов школьники готовят только к сдаче ЕГЭ, т.е. они изучают только те разделы, которые представлены в конкретной модели заданий: «То, что было тенденцией в 80-е годы, свершилось в 90-е: вступительная математика вытеснила обычную из образования старшеклассников. ... Замещение программы старших классов вариантами ЕГЭ примет формы более жёсткие, чем в случае со вступительной математикой. Охватит оно все предметы» (Ю. Неретин).

Не надо забывать, что тестирование возникло, в первую очередь, как механизм проведения массовых процедур. И вопросы экономии материальных и людских ресурсов при проведении ЕГЭ отнюдь не второстепенные. Часть «А» вводилась для ускорения проверки заданий. Сегодня распознавание числового ответа по трудоёмкости обработки практически не отличается от узнавания крестиков. Поэтому многие задания из части «А» могут безболезненно быть перенесены в часть «В» (как это сделано в новой модели ЕГЭ по математике) — это повысит точность контроля за счёт уменьшения вероятности угадывания ответа. Здесь можно использовать подходы, использованные в централизованном тестировании, а именно: за верный ответ выставлять два или три балла, а за частично верный — один или два, причём частично верных ответов в программе может быть несколько (например, в случае, когда абитуриент в работе по математике не отбросил посторонний корень уравнения).

В.М. Кадневский, В.Д. Полежаев. **ЕГЭ становится привычным, но проблемы остаются**

Контроль

Полную ответственность за проведение ЕГЭ несут субъекты РФ, но не они должны самостоятельно определять формы контроля за выполнением запрета, например, проносить мобильные телефоны, на ЕГЭ, а Рособрнадзор.

Вот этой темой и должны заниматься государственные структуры, которые обязаны обеспечить объективность проведения тестирования. Это должно быть чётко оговорено в регламенте проведения тестирования.

Однако какие бы технические и законодательные ухищрения ни вводились, всё зависит от честности и принципиальности организаторов в аудитории. Глушилка не решит проблему, запрет «иметь при себе» не поможет, если организаторы не захотят увидеть телефон. Видеокамеры тоже не панацея: кто отсмотрит массу видеозаписей после экзамена, и, кроме того, не со всех ракурсов чётко и однозначно будет видно нарушение.

Федеральным органам следует жёстче контролировать организаторов ЕГЭ, имеет смысл ввести наказания для регионов, массово подтасовавших результаты ЕГЭ. Для этого следует предоставить всем вузам право перепроверять (проводить дополнительный экзамен) всех абитуриентов из проштрафившегося региона — это даст колоссальный воспитательный эффект для всех абитуриентов страны.

В законе закреплены порядок аккредитации и полномочия общественных наблюдателей на ЕГЭ, которые имеют право направлять информацию обо всех выявленных нарушениях в уполномоченные контролирующие органы. Оговорено также, кто и как может стать общественным наблюдателем — для этого следует получить аккредитацию. К сожалению, пока что общественных наблюдателей можно было встретить далеко не в каждом пункте приёма ЕГЭ. Понятно, что у организаторов экзаменов нет большого интереса в том, чтобы на ЕГЭ присутст-

вовали посторонние, которые могут вынести «сор из избы».

Региональные Положения об общественных наблюдателях за проведением ЕГЭ основываются на Рекомендациях по организации системы общественного наблюдения (контроля) за проведением единого госэкзамена (Приложение к письму Рособрнадзора от 27.12.2006 № 01-867/08-01). В соответствии с этими рекомендациями общественный наблюдатель не вправе входить или выходить из аудитории во время экзамена (заполнения экзаменуемыми бланков ответов), т.е. если наблюдатель зашёл в одну из аудиторий в момент заполнения бланков ЕГЭ по физике или математике, он не может выйти из неё в течение четырёх часов и, следовательно, не сможет проконтролировать ситуацию вне этой аудитории. Если же наблюдатель пришёл с проверкой во время экзамена, ему на законных основаниях не разрешат войти ни в одну из аудиторий, где проводится ЕГЭ.

Кроме того, обычно в региональных Положениях есть пункт о том, что общественные наблюдатели не могут быть допущены в пункт проведения ЕГЭ, если они — специалисты по тому же (или по родственному) общеобразовательному предмету, по которому проводится экзамен. Таким образом, специалист с высшим техническим образованием не сможет быть общественным наблюдателем по многим предметам ЕГЭ (математике, физике, химии, информатике и т.д.).

На общественный контроль возлагаются большие надежды при проведении ЕГЭ, он может способствовать если не ликвидации, то хотя бы сокращению коррупции в этой сфере, но только если соответствующее Положение о системе общественного наблюдения не будет этому мешать.

Таким образом, проблем в процедуре ЕГЭ накопилось много и путей их решения существует несколько: лучше всего их решать комплексно и на системной основе. **НО**